П О Р Т Р Е Т

Владимир ПОЛЯКОВ **РАССКАЗ**

«И долго все присутствовавшие оставались в недоумении, не зная, действительно ли они видели эти необыкновенные глаза, или же это была, просто, мечта, предвставшая только на миг глазам их, углубленным долгим рассматриванием старинных картин».

(Н. В. Гоголь «Портрет»).

Чечухин вышел из дома в плохом настроении, обозвав жену idiotкой и для доказательности хлопнув дверью.

Он был особенно обозлен потому, что, по существу, жена была права. Да, он неудачник, да, он никакой не писатель, хоть и состоит в союзе, да, он графоман. В самом деле: что он сотворил за сорок два года своей «бурной» деятельности? Написал две посредственные пьесы, один удручающий сценарий и выпустил книжку стихов, на которую поэт Александр Ивашков написал блестящую пародию, которую читали вслух во всех домах художественной и технической интеллигенции. Из пародии явствовало, что он — Чечухин — безграмотный и недалекий человек.

Чечухин даже хотел набить Ивашкову физиономию и пытался для этого его встретить на улице. Но, опубликовав эту пародию, Ивашков стал ездить в такси, и встретить его на улице оказалось невозможным.

Сорок два года работы — и ничего путного. Ему уже шестьдесят четыре, можно идти на пенсию, а предъявить нечего. В президиумы его не выбирают, приглашения на просмотры не присылают, при встречах на улицах его не замечают, и на книжном базаре, когда он стоял у прилавка, на котором лежали 1.875 экземпляров его нераспроданной книжки, только один человек подошел к нему за автографом. И тот оказался состоящим на учете в психиатрической больнице.

Вчера в редакции журнала заместитель редактора, воз-

вращая ему рукопись, сказал: «Тускло написано, тема ерундовая, язык суконный, юмор дешевый, печатать не будем ни при каких обстоятельствах».

Положительно жена права. Зря я хлопнул дверью. С ее характером она этого не простит...

— Извините, пожалуйста, можно вас задержать на минуточку? — обратился к нему мужчина в замшевой куртке и в кепке-берете.

— Да. В чем дело? — удивился Чечухин.

Неизвестный пристально вглядывался в него, как бы изучая его лицо, прищурил один глаз, отходил в сторону, подошел ближе, прикладывая ладонь козырьком к глазу.

— Я художник. Моя фамилия Перекошин. Вероятно, вы знакомы с моими работами. Я писал многих писателей и артистов. Ваше лицо просится на полотно. Кто вы такой, если не секрет?

— Я писатель Чечухин. Иван Чечухин.

— Замечательно! — воскликнул художник. — В галерее моих портретов появится еще один писатель! Я как раз готовлю свою выставку. Неужели вы откажетесь мне попози- ровать?

— Нет, почему же... — сказал Чечухин. — Я с удовольствием.

«Хоть на выставке, может, появится, наконец, мое имя», — подумал он.

И они условились о встрече:

— Куда ты одеваешься? — спросила жена.

— Я иду позировать одному художнику.

— Больше ему некого рисовать?

— Не рисовать, а писать, — поправил ее Чечухин. — Да, очевидно, ему не хватает моего портрета.

— Что он увидел в тебе?

— Ему виднее. — обиженно сказал муж. — Он художник, и у него ое видение.

...На вернисаж пришло много народа. Здесь были именитые писатели, актеры, художники. Был и Чечухин с женой.

Портрет, писанный маслом, висел на видном месте.

К нему подошли заместитель редактора журнала и секретарь редакции.

— Посмотрите, Алексей Степаныч, на этот портрет. Очень лихо написано... Какая экспрессия! Какие умные глаза... Значительное лицо... Чувствуется редактора. — А эта складка у рта?! Она дает какое-то одухотворение. Интересно, кто это?

— Сейчас прочтем, — сказал секретарь и подошел поближе к портрету. — «Писатель Иван Чечухин», — прочел он.

— Почему мы его не печатали? — удивился заместитель. — Мне кажется, он что-то нам приносил, но мы почему-то отклонили... Судя по портрету, это талантливый человек. И висит он, заметьте, между зна- той дояркой и Метревели. Зря бы так не повесили. Вызовите его завтра в редакцию.

Телефонный звонок разбудил Чечухина в девять утра.

— Аделаида, — сказал он, — звонили из редакции журнала. Меня просят срочно приехать, имея при себе рукопись моей поэмы «Мытищи». Что-то случилось.

И Чечухин молниеносно побрился, накинул плащ, взял на последний рубль такси и по- мчался в редакцию.

Заместитель редактора был очень любезен, угостил его сигаретой «Кент», даже предложил «Боржоми», спросил, как здоровье семьи и долго корил за то, что он не заглядывает в редакцию. Затем вызвал секретаря и отправил рукопись в набор.

Через неделю Чечухин получил в издательстве аванс. Жизнь начала улыбаться.

Через день его пригласили на просмотр в театр оперетты, а через два пришло приглашение на встречу с балетом на льду из Улан-Удэ. На собрании группы драматургов он сидел в президиуме, его просили выступить на творческой конференции в библиотеке и спросили, не хочет ли он на

октябрь путевку в подмосковный дом отдыха. Из одной газеты приехал к нему корреспондент взять интервью, и Чечухин сообщил, что в настоящее время работает над пьесой под условным названием «Давай наладим» из жизни наладчиков станков.

Жена поняла, как жестоко она ошибалась, и пошла себе в ателье новое платье. Чечухин записался на покупку машины «Жигули» и подписался на год на журнал «Вопросы литературы».

Все шло замечательно. Ему даже позвонили из одной редакции и спросили, не возражает ли он, если его подпись появится под одним некрологом. Чечухин сказал, что будет очень рад. Жизнь была прекрасна.

На редколлегии журнала обсуждался план текущего номера. Неожиданно поднялся старый писатель, имя которого все знали с детства, и сказал: «Товарищи! Я поражен. Мне прислали гранки, и я прочел поэму «Мытищи» некоего Чечухина. Друзья мои! Это же бред сивой... это самой. Вы меня извините, конечно. Что это такое? Набор газетных цитат, банальность на банальность, пошлятина, отсутствие какой бы то ни было мысли, а язык?! Убожество! Как вы могли принять нечто подобное?»

— Но это известный писатель, — сказал заместитель редактора.

— Кому известный? — Позвольте, его портрет даже выставляется на выставке...

— Прочтите это! — воскликнул старый писатель.

И он протянул листок с поэмой «Мытищи».

Листок пошел по рукам, и в кабинете загромычал смех, которого здесь не слышали со времен Ильфа и Петрова.

Поэма была изъята из номера.

На этом, собственно, все и кончилось.

Никто больше не стал печатать Чечухина. Кончились приглашения. Кончились встречи. Погорела путевка. Жена снесла в ломбард новое платье, и Чечухин вновь хлопнул дверью и выбежал на улицу.

Остался только один портрет. Оказалось, что, кроме портрета, ничего и не было.

Сов. журнот. 1943, № 89, 161X